

Только нам только снится

АНАСТАСИЯ РАФАЕНКО

Анастасия Рафаенко

Покой нам только снится

<https://litres.ru/73974958>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда Наследный Принц врывается в тронный зал с хрупкой красавицей и объявляет о разрыве помолвки ради «истинной любви» – его бывшая невеста не плачет и не падает в обморок, – она считает. Стоимость платья разлучницы – восемьсот лянов. Годовое жалование роты пехотинцев – шестьсот. Неподписанных указов на столе – четырнадцать.

Чжао Юньси девятнадцать лет. За спиной – мать, чье золото кормит Империю, отец-генерал, чей меч Империю защищает, и брат-судья, чья логика не знает пощады. Впереди – свобода от инфантильного жениха и темная фигура главы Тайной Стражи, проникающего в ее павильон исключительно через окно.

Принц думает, что совершил романтический подвиг. Его новая возлюбленная думает, что выиграла трон. Они не подозревают, что вытолкнули из машинного отделения единственных людей, умеющих этой машиной управлять.

А Юньси? Юньси наконец-то выпится, а потом – скупит этот мир по частям.

Содержание

Пролог	4
Глава I. Утро, пахнущее сандалом и дурными новостями	12
Глава II. Семейный совет при тушёной утке	23
Интерлюдия I. Яд в золотом кубке	33
Глава III. Поэзия не кормит армию	38
Глава IV. Ночной гость в чёрном с золотом	49
Глава V. Первый провал «Белого Лотоса»	56
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Покой нам только снится

Пролог

Зал Малого Трона пахнет застарелым сандалом, пылью вековых амбиций и чем-то ещё – едва уловимым, как запах плесени за дорогой лаковой панелью. Сквозь резные решётки окон зимний свет падает косыми полосами на горы свитков, громоздящихся поверх стола из чёрного дерева, – и в этом скудном освещении они и впрямь напоминают горные хребты, только сложенные не из камня, а из чужих недоимок и несданных отчётов. Шея ноет от тяжести золотых шпилек, которые удерживают сложную башню из накладных прядей

и нефритовых гребней, а парадное ханьфу, расшитое девятью фениксами из золотой нити, тянет плечи долу так, будто птицы эти сотканы не из шёлка, а отлиты из бронзы.

Быть будущей императрицей Великой Янь – значит не слушать, как придворные поэты слагают оды весеннему дождю, и не пробовать засахаренный имбирь на праздничных пирах. Это значит сводить зерновые сметы и вести счётные книги казны, пока остальной двор грезит о величии, которое давно стало лишь красивым словом на свитках.

Кисть из волчьего волоса выводит ровные столбцы цифр на шершавой бумаге: убытки от наводнения в провинции Хунань. Пока Сын Неба созерцает в своём саду игру золотых карпов, а первый министр третий день препирается с церемониймейстером о должной длине рукавов на обрядовых халатах, – кому-то нужно считать. Закупать просо для северных гарнизонов, латать прорехи в сметах Министерства Ритуалов, выстраивать маршруты торговых обозов через заснеженные перевалы. Этим «кто-то» последние пять лет являюсь я. Мысли предательски соскальзывают с цифр к образу пуховой перины и тишины, не нарушаемой ничем, кроме потрескивания угля в жаровне.

Тяжёлые створки дверей распахиваются с грохотом, впуская в душное помещение порыв ледяного ветра и вихрь сухих листьев.

Ладонь инстинктивно прикрывает свеженаписанный отчёт – тушь ещё не высохла. Лишь спасши бумагу от черниль-

ных клякс, поднимая взгляд.

На пороге, замерев в позе, которую хороший кукловод теневого театра назвал бы избыточной, стоит Наследный Принц Ли Цзянь. Грудь его вздымается под парчовым халатом, глаза горят огнём человека, совершенно уверенного в том, что Небо сегодня смотрит исключительно на него. В правой руке он трепетно сжимает хрупкие пальцы Су Ваньэр. Девушка облачена в струящееся ханьфу цвета первого снега, плечи опущены, а в огромных, словно нарочно распахнутых глазах дрожат слёзы – тщательно удерживаемые, ни в коем случае не пролитые прежде времени.

Принц выглядит как герой-любовник из дешёвой балаганной пьесы, явившийся сразиться с драконом. Дракон в его воспалённом воображении – это я.

– Юньси! – голос его звенит от надрыва, эхом уходя под высокие своды. – Хватит притворяться! Я больше не могу жить во лжи, задыхаясь в золотой клетке брака, выкованного не из чувств, а из чужих расчётов!

Кисть аккуратно опускается на нефритовую подставку. Взгляд скользит по фигуре соперницы, задерживаясь на деталях с тем бесстрастным вниманием, с каким опытный меняла ощупывает слиток серебра, проверяя пробу. Ноготь большого пальца впивается в подушечку указательного – единственный способ удержать голос ровным. Через мгновение пальцы разжимаются сами собой

Су Ваньэр опускается на колени, изящно заламывая руки

так, чтобы широкие рукава скользнули вниз, обнажив запястья, белые, как необожжённый фарфор.

– Сестра Чжао, простите мою ничтожную дерзость! – голос её дрожит, точно струна гуциня на излёте. – Не смею отнимать у вас статус, принадлежащий по праву рождения вот уже двадцать лет. Позвольте мне быть хотя бы служанкой при Его Высочестве – поливать цветы в его покоях, стирать его одежды, лишь бы изредка видеть его лик!

Евнухи, прибежавшие на шум, замирают у косяков, затаив дыхание. В воздухе висит ожидание слёз, битья посуды, угроз призвать грозного отца-генерала. Ли Цзянь расправляет плечи шире – он готов грудью защитить свою хрупкую возлюбленную от моего неминуемого гнева.

Вместо этого продолжаю разглядывать платье «скромной служанки». Ткань, из которой оно сшито, называется «шёлк лунного света»: её ткут в южных провинциях, добавляя в нити толчёный жемчуг и серебряную пыль, чтобы материя мерцала при каждом движении, при каждом вздохе, при каждой тщательно выверенной слезе. Один такой наряд стоит на столичном рынке около восьмисот лянов серебра. Годовое жалованье роты пехотинцев, проливающих кровь на северных рубежах, едва дотягивает до шестисот. Какая восхитительно дорогая служанка. Какая безупречно отточенная, годами выращенная личина смирения.

– Ваше Высочество, – голос звучит ровно, без единой трещинки, нарушая повисшую тишину. – Небеса даровали вам

прозрение, а мне – избавление от бремени, к которому я, признаться, никогда не питала должного почтения.

Медленно поднимаюсь. Тяжёлая парча шуршит, подобно первому снегу, оседающему на черепицу. Ни одного лишнего вздоха, ни одного дрогнувшего мускула. Сделав шаг вперёд, складываю руки и опускаюсь в придворном поклоне – спина прямая, наклон выверенный, пауза на три удара сердца. Не больше и не меньше, чем требует этикет.

– Желаю вам обоим долголетия и гармонии, подобной союзу Феникса и Дракона. Пусть ваша истинная любовь станет тем основанием, на котором возведётся процветание Великой Янь.

Ли Цзянь моргает. Его праведный пыл натывается на совершенно непробиваемую стену равнодушия. Су Ваньэр, всё ещё стоящая на коленях, на секунду сбивается с ритма – и в её глазах, наполненных тщательно выверенными слезами, мелькает тень растерянности. Сценарий пошёл не по плану. Жертва не сопротивляется, не рыдает, не угрожает. Триумф победительницы, лишившись сопротивления, теряет всякий вкус.

Разогнувшись, поворачиваюсь к столу и беру увесистую стопку недописанных свитков, перевязанных алым шнурком. Подхожу к Принцу – лицо его уже приобретает тот пунцовый оттенок, который бывает у людей, которым никто не объяснил, что делать после героического монолога, – и с вежливой улыбкой вкладываю бумаги в его свободную руку.

– Раз уж я более не будущая хозяйка этого дворца, – произношу, глядя прямо в его расширенные зрачки, – смею вернуть эти мелкие заботы истинному правителю. Здесь отчёты о прорыве дамбы на юге и сметы на закупку камня для укрепления берегов. Не забудьте подписать указ до заката, Ваше Высочество. Иначе воды поглотят рисовые поля, и дворцу придётся кормиться одними высокими чувствами – а они, как известно, плохо насыщают.

Пальцы Принца инстинктивно сжимаются вокруг свитков, точно он ловит падающий кирпич. Вес государственных дел, о которых он предпочитал не думать, ощутимо давит на его ладони – и он смотрит на бумаги с выражением человека, впервые в жизни увидевшего счёт за собственное пиршество.

– Юньси... что это значит? – голос Принца срывается.

– Это значит, что помолвка расторгнута по вашему же настойчивому требованию, – мягко напоминаю, поправляя широкий рукав. – А теперь, если позволите, меня ждут дела.

Развернувшись, направляюсь к выходу. Шаги гулко отдаются в просторном зале. Никто не смеет преградить путь, евнухи расступаются, вжимаясь в резные колонны, а Су Вань-эр так и остаётся стоять на коленях – её безупречно выстроенная мизансцена разрушена полным отсутствием интереса к её персоне. Это, пожалуй, единственный подарок, который она получит сегодня от меня.

Тяжёлые двери Малого Трона закрываются за спиной с

глухим, окончательным стуком, отсекая запахи сандала и чужого безумия.

В прохладных сумерках крытой галереи, ведущей к внешним воротам Запретного города, останавливаюсь. Вокруг нет ни души. Только ветер шелестит голыми ветвями старой сливы – той самой, что растёт здесь, говорят, ещё со времён деда нынешнего Сына Неба и пережила на своём веку семерых первых министров, четыре дворцовых переворота и бессчётное множество разбитых сердец. Медленно, со вкусом наслаждения, о котором почти позабыла, вынимаю из причёски одну за другой тяжёлые золотые шпильки. Невидимый обруб, давивший на виски с самого рассвета, исчезает. Волосы тяжёлым водопадом рассыпаются по плечам.

Одиннадцать лет... Одиннадцать лет зубрёжки уложений, написанных ещё при прадеде нынешнего Императора, переговоров с нечистыми на руку поставщиками, чьи улыбки стоили дороже их товара, умиротворения министров, чья власть держалась на одной лишь привычке окружающих эту власть признавать, и всё это ради чужого, в сущности, шаткого престола, стоявшего исключительно на золоте моей матери и мече моего отца. Всё это окончено. Одним нелепым, театральным жестом инфантильного мальчика, вообразившего себя творцом собственной судьбы.

Интересно, обрадуется ли матушка, когда узнает, что мы закрываем нашу самую убыточную нишу под названием «Ве-

лика Янь»? Брат, вне сомнения, немедленно составит надлежащий свиток о расторжении договора – он любит подобные формальности. Отец же устроит по этому поводу пир, заколов трёх откормленных свиней, и будет совершенно прав.

Но это всё – потом. Сначала нужно добраться до дома, забраться под одеяло и проспать ровно двенадцать часов кряду. А если кто-то посмеет разбудить меня раньше – ему не позавидует даже сам Сын Неба.

Глава I. Утро, пахнущее сандалом и дурными новостями

Утренний свет, процеживаясь сквозь резные решётки из красного дерева, ложится на нефритовые плитки пола узорчатыми полосами – точь-в-точь чешуя дракона, задремавшего поперёк порога. Одеяло из пуха снежных гусей держит тепло так надёжно, как хороший контракт держит партнёра, и расставаться с ним нет ни малейшего желания. В бронзовой курильнице тлеет алойное дерево, наполняя воздух тяжёлым, смолистым теплом. Тишина в поместье Чжао – не та монашеская пустота, о которой грезят поэты. Это тиши-

на, купленная звонким серебром, выстроенная на надёжных торговых путях и монополии на чайные плантации трёх южных провинций. Тишина, которую умеют ценить лишь те, кто знает её настоящую цену.

Двери моих покоев распахиваются без стука.

На пороге стоит матушка. На ней халат цвета осенней листвы из шу-парчи – той самой, что в нынешнем сезоне доступна лишь трём богатейшим торговым домам столицы и, разумеется, ей самой. Никаких вышитых фениксов, никаких кричащих узоров – только безупречная фактура ткани, которая стоит дороже, чем годовое жалованье министра ритуалов, вместе с его двумя помощниками и личным писцом. В руках матушка сжимает счётную книгу в тиснёной коже.

– Вставай, Юньси, – голос её звучит ровно, с той спокойной интонацией, которая обычно предшествует чужому разорению. – К нам едет Императрица.

Медленно сажусь, позволяя служанкам отдёрнуть шёлковые пологи.

– Императрица? В час, когда придворные ещё не успели оправиться от вчерашнего пира в честь цветения сливы? Должно быть, казна снова обнаружила, что золото не имеет привычки размножаться в тёмных сундуках.

– Хуже, – матушка пробегает пальцами по столбцам цифр. – Она едет с милостью. С той самой, что тяжелее свинцовой руды. Твой отец, к слову, уже начал харкать кровью в восточном павильоне.

Из открытого окна немедленно доносится театральный, надрывный кашель генерала Чжао.

– Увы! – разносится по саду зычный, полный скорби баритон, которым отец в молодости поднимал в атаку целые полки. – Сырость столичных ветров вновь открыла мои старые раны, полученные в битве при Лояне! Моя грудь пылает огнём – я не смею утруждать высокую гостью видом моих страданий!

Закатываю глаза. Эту «рану» отец получил позавчера от пьяного солдата, уронившего ему на ногу бочонок с вином. Впрочем, притворный недуг в исполнении великого полководца – это особый вид искусства, недоступный пониманию дворцовых церемониймейстеров.

– А брат?

– Твой брат заперся в архиве и притворился свитком с указами династии Хань, – сухо отвечает матушка. – Он сообщил, что логика дворцовых интриг нарушает его понимание причинно-следственных связей, и объявил себя недееспособным. Нам придётся справляться вдвоём.

Служанки укладывают волосы в строгую причёску, закрепляя шпильками из белого нефрита – холодного, как утренний камень, добытый из горной реки. Пока умелые пальцы орудуют гребнем, успеваю обдумать диспозицию. Императрица едет лично, не через гонца и не через посредника-евнуха. Это означает либо подлинную срочность, либо желание оказать давление присутствием. Зная Двор – скорее

второе.

Главный зал поместья Чжао не сияет позолотой, как тронные покои. Здесь царит иное великолепие – тёмное, тяжёлое, как сам возраст: чёрное дерево, помнящее три предыдущих династии, антикварный фарфор, за отдельные образцы которого императорская коллекция отдала бы многое, и свитки в деревянных футлярах вдоль всей восточной стены. Богатство, которое не кричит о себе, а просто существует – молчаливо и абсолютно.

Когда носилки Императрицы пересекают наши ворота, я замечаю: золотая фольга на деревянных шестах местами облезла, а халаты сопровождающих евнухов выцвели от долгой службы на солнце. Свита невелика – значит, визит неофициальный и, следовательно, не внесён в дворцовые записи. Это само по себе красноречиво. Императрица не хочет, чтобы об этом разговоре знали.

Опускаюсь на колени, касаясь лбом прохладного пола с безупречной покорностью.

– Ваше Величество озаряет наш скромный дом подобно весеннему солнцу, – произношу, вкладывая в голос ровно столько трепета, сколько требует протокол, и ни капельки сверх того.

– Встань, дитя, – Императрица кивает с видом человека, привыкшего к тому, что слова его достаточно. Взгляд её скользит по моему лицу – быстро, оценивающе, – затем пе-

реходит к матушке, чьё присутствие в комнате ощущается примерно как присутствие незаданного вопроса, от которого нельзя уклониться. — Я пришла не как повелительница, а как женщина, радеющая о благе тех, кто верен трону.

Служанки подают чай. «Белый Пион», собранный с туманных пиков ранней весной, до того как солнце касается листьев, заваренный на снеговой воде из горного ключа. Императрица делает глоток — и на долю мгновения её маска безразличия даёт трещину: она никогда не пила ничего подобного во Внутреннем Дворце. Дворец пьёт чай, который наши обозы продают оптом в северные варварские степи. Это не случайность. Это напоминание.

— Помолвка Юньси и Наследного Принца была расторгнута по воле небес... и по нежному велению сердца Цзяня, — начинает Императрица, тщательно выбирая слова, как человек, ступающий по льду, о толщине которого не уверен. — Принц нашёл утешение в лице Су Ваньэр. Девушки кроткой, как горная лань, и чистой, как лотос, поднявшийся из ила.

Опускаю ресницы, пряча то, что могло бы прочитаться на лице. «Лотос из ила». Как поэтично. Жаль, что этот самый лотос тайно скупает долговые расписки мелких чиновников через подставных лиц. Но о таких прозаических подробностях не говорят за чашей изысканного чая.

— Однако, — продолжает Императрица, и в голосе её прорезается та сталь, что закаляется не в кузнице, а в десятилетиях внутридворцовой борьбы, — Ваньэр обладает душой

редкого сострадания. Она не спала всю ночь, терзаясь мыслью о том, как сестра Чжао переживёт позор расторгнутой помолвки. Какой достойный жених осмелится взять ту, которую отверг будущий Сын Неба? И тогда наша добрая Ваньэр предложила решение, продиктованное истинной сестринской любовью.

Матушка медленно ставит фарфоровую чашу на стол. Звук получается коротким и отчётливым – как удар малого гонга перед объявлением приговора.

– И каково же это решение, Ваше Величество? – голос её бархатен и негромок.

– Восточный Дворец обширен, – торжественно произносит Императрица. – Юньси войдёт в него не как отвергнутая, а как благородная наложница второго ранга. Под покровительством самой принцессы Су. Её положение будет безупречным, честь – сохранена. Воистину, милосердие Ваньэр не знает пределов.

Тишина в зале сгущается.

Смотрю на свои руки, сложенные на коленях. Наложница второго ранга. Су Ваньэр не просто желает унижить меня – она хочет превратить меня в живую декорацию собственного великодушия. В ручного зверька, которого показывают на приёмах, поглаживая по голове. Она хочет, чтобы я каждый день видела, как она носит мои цвета, живёт в моих покоях и распоряжается приданым, которое собиралось три поколения семьи Чжао, – и при этом улыбалась той кроткой

улыбкой, за которой скрывается неутолимый голод по чужому признанию. Ли Цзянь, надо полагать, искренне убеждён, что «спасает» меня, позволяя греться у огня его высоких чувств. Оба они считают, что мир вращается вокруг их дворцовых рангов и поэтических порывов.

Они не понимают, чем именно вращается мир.

– Какое... беспрецедентное великодушие, – произношу тихо, поднимая глаза. – Принцесса Су печётся о моей судьбе. Но позвольте спросить, Ваше Величество: кто печётся о кровле самого Восточного Дворца?

Императрица хмурится.

– Я слышала, – продолжаю, и голос звучит ровно, почти участливо, – что уголь для обогрева покоев Наследного Принца в этом месяце так и не был доставлен. Угольщики из Шаньси отказались отгружать товар, поскольку Министерство Дворцовых Дел задолжало им за три сезона кряду. Неужели принцесса Су предлагает мне разделить с ней холодные ночи, завернувшись в её сострадание? Боюсь, оно плохо согревает.

Лицо Императрицы идёт багровыми пятнами.

– Дерзкая девчонка! Как ты смеешь говорить о делах казны в присутствии...

– Она говорит о делах казны, потому что казна говорит с нами каждый день, Ваше Величество, – негромко, но с непреклонностью хорошо закреплённого якоря перебивает матушка, раскрывая счётную книгу. – Позвольте мне, неве-

жественной торговке, освежить память Вашего Величества. В прошлом месяце дом Чжао выкупил долговые обязательства императорских шелковых мануфактур. Без этого наложницы Внутреннего Дворца встречали бы зиму в крашеной холстине. Принцесса Су предлагает моей дочери место под своим крылом. Но позвольте осведомиться: чьё это крыло? То, что соткано из закладных, которые в настоящий момент хранятся в моём архиве?

Императрица замирает. Её губы беззвучно шевелятся – она привыкла повелевать, казнить и миловать, но совершенно не умеет разговаривать с теми, кто держит нити, на которых её собственный Дворец висит над бездной. И она это понимает. Это видно по тому, как пальцы её чуть крепче сжимают подлокотники гостевого помоста.

– Наследный Принц, – продолжает матушка, не повышая голоса, – человек возвышенных идеалов. Однако идеалы не оплачивают поставки риса и соли. Моя дочь не войдёт в Восточный Дворец наложницей. Хотя бы потому, что приданое, которое я за ней дам, превышает годовой доход всех восточных провинций в совокупности. И я не намерена, чтобы мои средства расходовались на содержание той «кроткой лани», которая возомнила себя хозяйкой чужого состояния.

– Вы... отказываете Самому Трону? – шёпот Императрицы почти неслышен, но в нём впервые звучит не гнев, а нечто иное – то, что приходит к человеку, осознавшему, что он явился просить, но не позаботился о том, чтобы у него было

чем торговаться.

– Мы не отказываем, Ваше Величество, – склоняю голову в поклоне, выверенном до последнего угла. – Мы заботимся о достоинстве короны. Подумайте, как это будет воспринято в столице: дочь генерала, чья армия кормится из наших зернохранилищ, и дочь купчихи, чьи обозы снабжают дворцовые кладовые, отправляется в наложницы к девушке, чей отец был удалён со службы за растрату казённого серебра? Столица не поймёт подобной щедрости. Столица решит, что Трон продаётся. А мы, ничтожные торговцы, слишком чтим Сына Неба, чтобы допустить, чтобы его доброе имя пострадало из-за чужих капризов.

Императрица поднимается. Руки её прячутся в широких рукавах, но дрожь всё равно заметна – она понимает, что попала в положение, из которого любой выход стоит дороже, чем молчание. Сказать что-либо сейчас – значит признать, что у неё нет ответа. Промолчать – значит признать то же самое.

– Ваше Величество, должно быть, устала с дороги, – говорит матушка, поднимаясь с безупречной учтивостью и делая плавный жест в сторону выхода. – Наши носилки, обитые соболем, уже ожидают, чтобы с удобством доставить Вас обратно. И, пожалуйста, передайте принцессе Су, что дом Чжао глубоко тронут её заботой о нашей семье. В знак признательности мы прощаем тот долг в три тысячи лянов серебра, который её дядя взял у наших людей в прошлом году.

Пусть это станет нашим свадебным подарком молодым.

– Хорошо, торговлю обсудим позже. Но вопрос чести решается не серебром.

Когда за Императрицей закрываются тяжёлые двери и стук колёс её носилок окончательно тонет за воротами, подхожу к окну. Ветер раскачивает ветви бамбука, и сухой шелест их напоминает шорох пересчитываемых бумаг. За воротами, на пустой улице, Императрица вновь становится тем, чем является на самом деле: пожилой женщиной в облезающих золотых носилках, везущей домой поражение, которое она не сможет никому объяснить, потому что это поражение нельзя признать вслух.

Су Ваньэр полагала, что разыгрывает дворцовую драму, где слёзы и смирение служат главным оружием. Она рассчитала роли правильно, но ошиблась со сценой. Ли Цзянь вообразил себя героем любовного предания, великодушно спасающим отвергнутую невесту от позора. Они оба смотрели на мир сквозь призму того, чем он должен быть по законам жанра.

Оборачиваюсь к матушке. Она уже убрала счётную книгу и с удовлетворением поправляет нефритовую застёжку на рукаве.

– Они не отступят, – говорю тихо. – Задетая гордость «белого лотоса» опаснее стаи голодных волков. Ваньэр начнёт плести сети, нащёптывать Принцу, натравливать на нас чиновников. Она попытается перерезать наши торговые пути

руками тех, чьи гуаньси при дворе пока ещё крепче наших.

– Пусть попробует, – матушка кладёт счётную книгу на стол с тем видом человека, который уже просчитал следующие три хода. – Глупость – это подать, которую они платят за своё положение.

Смотрю на свои руки. На них нет мозолей от рукояти меча, как у отца, и нет чернильных разводов, как у брата, просяживающего ночи над хрониками. Но в жилах течёт та же кровь семьи Чжао – неторопливая, трезвая, умеющая ждать. Просто уйти, захлопнув дверь перед носом Императрицы, – этого мало. Это лишь оборона. А я никогда не любила обороняться.

Су Ваньэр желает держать меня рядом, чтобы унижать при случае? Прекрасно. Я не стану её наложницей. Я стану её заимодавцем. Я скуплю все долги Восточного Дворца, все закладные на земли её родственников, все расписки, на которых держится её хрупкий мирок из белого шёлка и нарочитых слёз. И когда придёт время – я не буду рыдать и строить козни в гареме. Я пришлю моего брата с надлежащими бумагами, составленными в полном соответствии с установлениями закона.

Покой нам только снится. Но если уж просыпаться – то лишь для того, чтобы перестроить этот мир по собственному разумению.

Глава II. Семейный совет при тушёной утке

Ужин в главном зале поместья Чжао никогда не бывает просто трапезой. Это заседание совета, скрытое под звоном фарфоровых пиал и ароматом тушеной утки в анисовом соусе. За окнами завывает сухой весенний ветер, срывая первые лепестки дикой сливы, но внутри помещения, благодаря жаровням с можжевелевым углем, царит тепло, пропитано запахом старой туши и выдержанного желтого вина.

Отец со сдавленным стоном опускает бамбуковые палочки на нефритовую подставку и прижимает ладонь к левому

боку, поверх домашнего халата из темного шелка.

– Сырость, – гудит отец, и его голос, привычный к командующему рыку на плацу, сейчас звучит нарочито слабо. – Старая рана от отравленной стрелы кочевников снова ноет. Боюсь, завтрашний утренний прием у Императора мне не пережить. Придется отправить подателю прошений бумагу об освобождении от службы по немощи.

Я неспешно наливаю себе сливового вина, наблюдая за этой знакомой с детства игрой. Шрам на боку генерала Чжао действительно есть, но получен он не в битве за перевал, а три года назад, когда отец пытался тайком протащить в дом уличного щенка для меня и поскользнулся на мокрой черепице.

Матушка, даже не отрываясь от амбарной книги из плотной шелковичной бумаги, придвигает к нему пиалу с темным, дымящимся отваром.

– Выпей, муж, – голос матушки сладок, как дикий мед, и холоден, как ледники Куньлуня. – Это настой горького женьшеня и змеиной желчи. Чрезвычайно полезен при недугах, которых не было. И напроць отбивает охоту посещать места, где слишком много сквозняков и пустых разговоров.

Отец сглатывает, глядя на черную жидкость с нескрываемым опасением, но под нетерпеливым взглядом супруги покорно подносит пиалу к губам. В доме Чжао иерархия выстроена не по воинским званиям, а по умению удерживать в руках нити управления семейным делом.

Матушка аккуратно промокает уголки губ шелковой салфеткой и закрывает книгу. Звук этот режет тишину зала, точно удар судейского молотка.

– Кстати о пустых разговорах. Сегодня ко мне являлся главный евнух казначейства. Слезно умолял отпустить в долги три тысячи лянов серебра на закупку нефрита и парчи для обустройства покоев новой фаворитки Наследника.

Делаю небольшой глоток вина, чувствуя, как терпкая сладость обжигает горло.

– И что ответила моя великодушная матушка?

– Я ответила, что торговый дом Чжао больше не подает милостыню Дворцу, – матушка чуть приподнимает бровь. – Слезам принцессы Су не свойственно превращаться в слитки серебра. Я перекрыла все счета Восточного Дворца. Пусть Его Высочество оплачивает капризы своей возлюбленной из собственного жалования. Если, конечно, вспомнит, в каком амбаре оно хранится.

Отец, допивший горькое зелье и теперь с отвращением жующий ломтик засахаренного имбиря, неожиданно тяжело бьет кулаком по столу. Фарфоровые пиалы жатвенно звенят.

– Перекрыла счета? Все? – в баше отца больше нет и тени наигранной слабости, в нем проступает жесткая, суровая сталь. – А о гарнизонах на Железных Воротах ты подумала, жена?! Мои солдаты на северных рубежах уже второй месяц сидят на одной просяной каше, потому что дворцовые чиновники задерживают выплатные сметы! Если мы полностью

остановим отгрузки зерна, мои воины начнут есть собственных лошадей! Вы разыгрываете эту партию в вэйци, точно сидите в уютном павильоне, а там – живые люди, проливающие кровь за Стеной!

В зале повисает тяжелая, давящая тишина. Матушка замирает, ее кисть застывает над тушечницей.

Я вижу, как у отца побелели костяшки пальцев, сжимающих край столешницы. Для него армия – не строка в ведомости, а солдаты, с которыми он делил сухой паек и ночевал на промерзшей земле.

– Отец... – я опускаю глаза, ощущая, как внезапный укол вины сжимает сердце. Передо мной встают воспоминания детства: пыльные пограничные заставы, запах конского пота, обветренные лица воинов, улыбавшихся дочери своего генерала. – Если мы продолжим снабжать казенные склады через людей клана Су, эти деньги все равно не дойдут до солдат. Су Чжэнь заберет серебро себе на шелка и орхидеи, а армия все равно останется голодной. Позволить им управлять снабжением – значит отдать весь Север варварам через две луны. И тогда Император сделает виноватыми нас. Нас вырежут до девятого колена, отец. Наши головы выставят на городских воротах.

Отец смотрит на меня долгим, тяжелым взглядом. В его глазах боль полководца сталкивается с жестокой правдой. Он медленно разжимает кулак и тяжело вздыхает:

– Ты отсекаешь гниющую плоть, Юньси. Смотри, чтобы

армия не истекла кровью, пока лекарь чистит рану, а вы учитесь Принца разуму.

В этот момент в зал бесшумно входит мой старший брат, Чжао Чэнь. На нем строгий халат цвета грозового неба, без единой складки, а выражение лица, как всегда, напоминает фарфоровую маску. Брат опускается на подушку, берет бамбуковые палочки и с аптекарской точностью отмеряет себе порцию тушеных овощей. Чэнь – главный судья столичного трибунала, человек, чей ум режет чужую ложь острее палачского тесака.

– Статья четырнадцатая Кодекса о чиновниках, – произносит Чэнь ровным, лишенным интонаций голосом. – Пункт третий. Невозможность исполнения служебных обязанностей вследствие конфликта интересов и прямой угрозы правосудию. К тому же, пока я числюсь в отпуске по болезни архивов, дело о клевете против цензора физически некому передать. Через месяц истечёт срок давности подачи

Матушка переводит на него взгляд:

– Ты тоже занемог, Чэнь? В нашей семье это становится моровым поветрием.

– Я уйду в отпуск, – сухо вато чеканит брат, отправляя в рот побег спаржи. – На лунный месяц. Наследный Принц вчера потребовал от меня возбудить дело о клевете против цензора, который посмел усомниться в поэтическом таланте Су Ваньэр. Логика Принца нарушает базовые устои юриспруденции. Я не могу судить дела, где истица страдает ма-

нией величия, а истец – слабоумием. Трибунал закрывается на переучет архивов.

Я тихо усмехаюсь, прикрыв рот рукавом. Вот она, семейная наука. Мы не бунтуем, не машем мечами и не шепчемся по тёмным углам. Мы просто строго следуем установленному порядку и заботимся о собственном здоровье – и наблюдаем, как выскочки у руля государства с треском налетают на рифы реальности. Дворец – это громоздкий, давно проржавевший механизм, который исправно работал лишь потому, что наша семья тайно смазывала его шестерни своим золотом и своими людьми. Теперь, когда нас вытолкнули вон, этот механизм будет скрипеть всё громче – а потом встанет.

Обвожу взглядом своих родных. Вот они, истинные столпы Великой Янь. «Торгашка», «вояка» и «крючоктвор» – именно так называют нас за спиной высокородные аристократы, попивая вино, доставленное нашими обозами. Они презируют нас за отсутствие родословных, уходящих корнями в эпоху первых императоров. Но именно они первыми являются к нашим воротам, когда их шёлковые халаты истончаются, а кладовые пустеют. Намедни я сама видела, как чиновник пятого ранга – ничтожество с павлиньим пером на шапке – сплюнул под колёса нашей выездной повозки и отвернулся. Серебра нашего он берёт исправно. Смотреть в глаза – другое дело.

С восьмью лет, пока дочери знатных семей выводили на ри-

совой бумаге иероглиф «смирение», я сидела в конторе матушки и учила счётные книги. В десять лет понимала, как движение зерна между провинциями меняет настроение наместников. В пятнадцать переписала маршруты нескольких почтовых трактов так, что обозы стали приходить вовремя, – и никто во дворце не заметил, чья рука держала кисть. Я готовилась стать Императрицей не ради венца, а ради права навести в этом хаосе порядок – настоящий, не декоративный.

И что же в итоге? Ли Цзянь испугался. Не кочевников, не голода, не пустой казны – меня. Предпочёл хрупкую плачущую куклу, умеющую лишь тратить чужое и строить козни в узких коридорах гарема. Су Ваньэр думает, что победила, завладев моим местом. Она считает Восточный Дворец вершиной мира. Бедная, ослеплённая девочка – она выиграла право стать хозяйкой золотой клетки, даже не подозревая, что кузница, где эту клетку ковали, принадлежит нам. Как и зернохранилища, кормящие её стражников.

– Юньси, – голос матушки негромко возвращает меня к столу. Она смотрит на меня с той редкой теплотой, которую обычно берегает для хорошо составленных договоров. – Ты держись молодцом, но я вижу, как ты сжимаешь палочки. Если хочешь, чтобы отец собрал конницу и проехался по садам Су Ваньэр – только скажи. Он сделает это, даже если придётся притвориться лунатиком.

Отец героически закивал, старательно не встречаясь

взглядом с супругой.

– Нет, матушка, – кладу палочки на подставку и расправляю плечи. Лёгкий домашний шёлк не давит, как парадное ханьфу, и вместе с этой лёгкостью немного отпускает что-то, зажатое внутри уже несколько дней. – Конница в садах – это шумно и бессмысленно. Кровь на лепестках пионов портит вид, а осада дворца перекроет торговые пути к северным воротам.

Беру кувшин и разливаю вино по чашам. Тёмный янтарь ловит огонь свечей.

– Су Ваньэр хочет держать меня рядом, чтобы унижать. Принц хочет, чтобы я стала его тенью и украшением. Они оба больны одним и тем же: они путают убранство зала с самим дворцом. Они думают, что власть – это печати и право сидеть на возвышении. Но право решать, кому продавать чернила, которыми подписываются указы, – вот где она на самом деле.

Брат одобрительно кивает, и его непроницаемое лицо на долю мгновения оживает.

– Осада без войска эффективнее осады с войском. Архивы это подтверждают.

– Именно, – поднимаю чашу. – Я не стану плакать в подушку и плести мелкие козни с евнухами. У меня начинается переучёт собственных дел. Пока Принц и его «белый лотос» будут тратить последние запасы казны на шёлка и праздники, я выкуплю долговые расписки министров, которые им

покровительствуют. Возьму под руку поставки железа и соли. Сплету такую сеть связей, что когда Ли Цзянь захочет сделать шаг влево или вправо, обнаружит: земля под ногами давно принадлежит мне.

Отец расплывается в улыбке, от которой его грозные шрамы вдруг становятся похожи на добродушные морщины.

– Вот это моя дочь! Настоящий полководец! Не штурмовать стены, а перекрывать колодцы!

– Разумно, – кивает матушка, и в её глазах загорается что-то похожее на подлинное восхищение – редкий огонь, который она не тратит попусту. – Я открою тебе доступ к резервным запасам из личных хранилищ. Бери всё, что плохо лежит. И помни, дорогая: если они решат объявить тебе войну – убедись, что кузни, куют их оружие, уже наши.

– Непременно, матушка.

Касаюсь краем своей чаши её сосуда. Тонкий фарфор отзывается чистым, долгим звоном – он долго висит в воздухе, прежде чем раствориться в треске горящего угля.

Делаю глоток. Вино тёплое, пряное, с запахом корицы и выдержанной сливы. Впервые за долгие месяцы не думаю о том, как сгладить очередной конфликт в казённых сметах или как вежливо улыбаться людям, которых едва выношу. Разум чист, как лист хорошей бумаги перед первым прикосновением кисти.

Мудрецы говорили: покой нам только снится. Что ж, пусть Великой Янь снятся кошмары о пустой казне и беспокойных

рубежах. А Чжао Юньси наконец-то выпится. И завтра, на ясную голову, начнёт прибирать к рукам то, что плохо держат чужие.

Интерлюдия I. Яд в золотом кубке

Густые сумерки цвета спелой сливы опускаются на загнутые крыши Восточного Дворца, заставляя зажечь первые масляные лампы в Павильоне Пьяных Лотосов. Аромат тлеющего алойного дерева плывет над тяжелыми шелковыми драпировками, но даже этот сладкий дым не способен заглушить висящую в воздухе тревогу.

Наследный Принц Ли Цзянь нервно ходит по камышовым циновкам. На нем халат из алой парчи, распахнутый на груди, а золотая корона чуть сдвинута набок. Императрица-мать только что покинула павильон, оставив после себя лишь горький запах лекарственных притирок и весть об уни-

зительном разговоре в поместье Чжао.

– Сброд! – гремит Ли Цзянь, сбивая со столика фарфоровую чашу. Керамика со звоном разлетается по каменному полу, расплескивая темно-янтарный настой. – Дерзкие, неотесанные торгаши! Они смеют выставлять условия будущему Сыну Неба?! Отказывать в займе моей будущей супруге?!

В углу павильона, подобострастно поджав губы, сидит Су Гуан – дядя Ваньэр, полноватый чиновник Податного Ведомства в халате с вышитыми журавлями третьего ранга. Его сальные пальцы нервно перебирают нефритовые бусины на поясе, а на висках блестит пот.

– Ваше Высочество, – слащаво, но с затаенной злобой произносит Су Гуан, – купеческий род Чжао давно забыл свое место на самом дне сословной пагоды. Серебро отуманило их разум. Они возомнили, будто их амбары важнее императорских указов! Зачем просить у них серебро под залоги, когда можно взять свое по праву? Отправьте городскую стражу! Опечатайте их лавки, арестуйте старшину гильдии шелководов за неуплату пошлин! Через три дня старая торговка сама приползет к дверям Дворца и принесет ключи от всех сокровищниц, умоляя сохранить им мианьцзи – их ничтожное купеческое лицо.

Два молодых чиновника из Канцелярии, сидящие у двери, поспешно кивают, подхватывая идею. Для них, выросших на древних трактатах и привыкших презирать ремесленников,

дом Чжао – лишь разжиревшие наглец, которых легко прижать одним росчерком кисти. Они не знают, что за гильдиями Чжао стоят не просто торговцы, а караваны с зерном для столицы и кредитные расписки половины Министерств.

Ли Цзянь останавливается, в его глазах вспыхивает слепой, высокомерный огонь.

– Верно! – Принц сжимает кулак. – Я лишу их всех привилегий! Я покажу столице, что бывает с теми, кто ставит медяки выше преданности Трону!

– Не стоит проявлять горячность, мой господин, – раздастся из-за шелковой ширмы мягкий, тоскующий голос.

Из полумрака выплывает Су Ваньэр. На ней простое, но безупречно скроенное ханьфу из белого газа. В руках девушка держит гуцинь из темного лакированного дерева. На ее лице не видно украшений – лишь печать трогательной уязвимости и гордого смирения, отработанная годами перед бронзовым зеркалом.

Ваньэр медленно подходит к Принцу, роняя на лету короткий, едва заметный взгляд на своего дядю. В этом взгляде нет и тени кротости – лишь жесткий, холодный расчет человека, чья семья пробилась к вершинам власти из самых низов и не намерена отступать. Для Ваньэр пренебрежение дома Чжао – это не просто спор о деньгах, это напоминание о том, как старая знать смотрит на ее род: как на выскочек, чье серебро пахнет рынком.

– Мой господин, – Ваньэр опускается перед Принцем на

колени, трепетно прижимаясь щекой к его парчовому рукаву. — Если вы пошлете стражу в дом Чжао, двор решит, будто Сын Неба боится своих же подданных. Это повредит вашему величию. Семья Чжао сильна лишь потому, что генерал Чжао держит в кулаке северные гарнизоны, а его дочь плетет сети среди городских купцов.

— И что ты предлагаешь, лотос мой? — Ли Цзянь смягчается, запуская пальцы в ее темные, умощенные маслом волосы.

— Ударьте не по складам, а по их влиянию, — шепчет Ваньэр, поднимая на него огромные, блестящие от невыплаканных слез глаза. — Генерал Чжаоказывается больным? Пусть Трон примет его отставку и передаст командующий пост на севере моему брату Су Чжэню. Мой брат — муж высокого достоинства, он сумеет договориться с варварами миром. Так мы лишим Чжао их военного щита.

— А серебро для казначейства? — подает голос Су Гуан, хитро прищурившись.

— А снабжение флота и портовые сборы провинции Фуцзянь, — продолжает Ваньэр, нежно поглаживая руку Принца, — можно перепоручить моему дяде. Без удушающей опеки гильдий Чжао казна Дворца наполнится серебром за считанные луны. Мы сделаем так, что дом Чжао сам начнет умолять нас о возвращении к переговорам.

Ли Цзянь слушает ее, и его лицо расправляется в довольной, самодовольной улыбке. Ему кажется, что он слушает голос самой мудрости и истинной любви, защищающей его

честь.

– Ты права, Ваньэр, – Принц поднимает ее с колен и целует в лоб. – Твой брат получит назначение завтра же. Мы покажем этим торгашам, кто настоящий хозяин Великой Янь.

На несущей балке под самой крышей павильона, укрытый густой тенью и клубами сандалового дыма, неподвижно замер человек в черном халате. На нем нет знаков различия, лишь на поясе припрятан узкий кинжал и моток шелковой нити. Сокол Тайной Стражи.

Его пальцы с молчаливой, безупречной точностью выводят мелкие иероглифы на узком шелковом лоскуте, зажатом на дощечке:

«Восточный Дворец решил принять отставку генерала. Назначение Су Чжэня готовится на завтра. Су Гуан просит права на портовые сборы Фуцзяни. Принц слеп, фаворитка ведет игру».

Свернув лоскут в крошечную трубочку, человек в черном прячет его за пазуху. Через час эта весть ляжет на стол князя Ли Юаня, а через два – окажется в руках Чжао Юньси.

Внизу, в Павильоне Пьяных Лотосов, Наследный Принц поднимает кубок с вином за будущую победу, не подозревая, что каждый сделанный им шаг уже занесен на доску вэйци, где его противник играет белыми камнями и не знает поражений.

Глава III. Поэзия не кормит армию

Проходит неделя с тех пор, как союзу дома Чжао с Наследным Принцем приходит конец. Вопреки ожиданиям дворцовых поэтов, небесный свод не рушится на землю, а реки не поворачивают вспять. Великая Янь продолжает жить своей привычной, суетливой жизнью, хотя в ее глубоких, невидимых взгляду жилах уже нарастает дрожь надвигающейся катастрофы.

Сижу в беседке «Слушающая Сосна», кутаясь в тяжелую накидку из соболиного меха. Морозный утренний воздух пропитан терпким дымком жареных каштанов, приносимым ветром с уличных лотков, и паром, поднимающимся над пи-

алой с горячим отваром Да Хун Пао. Пользуясь тем, что служанки отступили к подножию лестницы, тайком растираю затекшую шею. Глаза жжет от копоти масляных ламп: прошедшая ночь снова уходит на разбор счетов и раскладку черных и белых камней на доске для вэйци. Каждый ход противника приходится проигрывать в одиночестве, выискивая слабые звенья в чужой цепи.

На резном столе перед тушечницей из темного сланца лежит стопка свитков, доставленных на рассвете. Покрытые мелким, суетливым почерком дворцового евнуха, эти бумаги куплены за тяжелые ляны серебра и давние связи – за то самое гуаньси, которое в столице связывает людей прочнее железных кандалов.

Разворачиваю верхний свиток. Текст представляет собой запись утренней беседы в Павильоне Пьяных Лотосов.

«Его Высочество Наследный Принц Ли Цзянь изволил высказать глубокое неудовольствие по поводу качества бумаги, на которой Министерство Военных Дел подает рапорты о пограничных делах, – читаю я, ощущая, как пальцы сжимают бамбуковый край свитка. – По словам Его Высочества, грубая выделка листов ранит его пальцы и мешает сосредоточиться на созерцании заснеженных ветвей сливы. Принцесса Су Ваньэр, ублажая Его Высочество тихой игрой на гуцине, заметить изволила, что сухие военные бумаги вовсе лишены изящества, после чего предложила решение, способное вернуть покой в душу будущего Сына Неба».

Отпиваю глоток чая, но от прочитанного рука едва заметно вздрагивает, и тёмная капля плещется на скатерть из белого шелка. Смотрю на темнеющее расплывчатое пятно, ощущая, как внутри закипает сухой, ядовитый гнев.

Воображение без труда рисует эту сцену с четкостью рисунка на тушевой ширме. В павильоне, где из бронзовых курильниц струится дорогой дым алойного дерева, Ли Цзянь с раздражением отталкивает стопку срочных донесений о передвижении кочевых орд за Великой Стеной. Свитки растут на его столе, точно бамбук после весеннего дождя, но Принц искренне не понимает, почему эти уродливые иероглифы, требующие его личной печати и выделения казенного серебра, не исчезают сами собой под звуки струн.

И тогда подает голос Су Ваньэр. Дочь купеческого рода Су, едва пробившегося в нижние ранги чиновничества через откупные платежи, она всю жизнь терпит презрение старой аристократии. Ваньэр жаждет не просто шелков – она жаждет мианыцзи, того самого «лица» и почтения, в котором ее семье отказывали поколениями. Ваньэр не плетет грубых интриг и не требует высоких назначений вслух. Она лишь слегка склоняет голову, позволяя лучам солнца подчеркнуть хрупкость своего профиля, и заводит мягкие речи о милосердии и гармонии.

«Ваше Высочество, – шепчет Ваньэр, и я почти слышу этот тягучий, медовый голос, от которого у мужей, знающих цену хлебу, сводит скулы, – ваша чистая душа не должна

оскверняться прикосновением к кровавым картам и грубым расчетам. Позвольте тем, кто предан вам, взять на себя это трудное бремя. Мой старший брат, Су Чжэнь, обладает тонким чувством прекрасного и кистью, способной выводить иероглифы с таким изяществом, что дикие гуси замирают в полете. Разве не такой человек должен стоять во главе Северного Гарнизона? Он утихомирит кочевников не грубым железом, а высокой культурой».

Откладывая свиток на стол рядом с кистями и тушечницей – тремя из четырех сокровищ кабинета. Су Чжэнь. Человек, который в прошлом году проиграл в кости загородную пагоду своего отца и чьи военные познания ограничиваются умением красиво расставлять фигуры на доске. Назначить его командующим пограничным фортом – все равно что доверить глухому настраивать императорские колокола.

Но Ли Цзянь, чей разум надежно укрыт от суровой правды ковром из льстивых речей, воспринимает этот совет как небесное откровение. В отчете евнуха приведен дословный ответ Наследника: «Твой брат – истинный муж благородного достоинства! Генерал Чжао – лишь неотёсанный воин, умеющий только кричать да махать мечом. Его грубые казармы нарушают фэншуй пограничных застав, мешая свободному току ци и оскорбляя гармонию Неба и Земли. Су Чжэнь покажет варварам силу нашей цивилизации! Пусть он займет место этого старого симулянта».

Отец, чье тело покрыто шрамами, точно карта древних

сражений, назван симулянтом.

Осторожно сворачиваю свиток и опускаю его в бронзовую жаровню. Огонь жадно лижет сухую бумагу, превращая чужую глупость в горстку серого пепла. Стихи не кормят армию, но бумажные донесения хотя бы дают немного тепла.

Поднимаюсь с подушки, расправляя тяжелые складки халата цвета спелой вишни. До полудня мне предстоит исполнить тяжелую обязанность – отправиться в Министерство Чиновничьих Назначений. Отец, чья «смертельная болезнь» сегодня выражается в хриплом покашливании и категорическом отказе надевать парадные доспехи, поручил мне официально сдать яшмовую печать командующего столичным гарнизоном.

Брат Чэнь, сопровождающий меня в качестве представителя судебного ведомства, шагает рядом. На нем строгий халат цвета мокрого сланца, на поясе поблескивает печать трибунала, а лицо хранит то каменное, непроницаемое выражение, перед которым обычно немеют обвиняемые.

– Процедура сдачи печати стандартная, – произносит Чэнь, когда мы подходим к повозке. – Закон соблюден. Но глупость принимающих решения превышает все допустимые пределы.

– Держи себя в руках, Чэнь, – тихо говорю я, поправляя широкий рукав. – Мы просто возвращаем Трону его игрушки. Пусть попробуют управлять ими сами.

Пока повозка катится по улицам столицы, проезжаем ми-

мо усадьбы мелкого чиновника Податного Ведомства. Завидев гербы дома Чжао, чиновник, стоящий у ворот, не просто не склоняет головы — он демонстративно отворачивается и сплевывает на мостовую прямо под колеса нашей кареты. В его глазах мы — торговое сословие, купцы, стоящие на нижней ступени сословной пагоды, потерявшие свою единственную опору при дворе. Наше богатство для него — лишь предмет зависти, а утрата союза с Принцем — повод выказать презрение, накопившееся за годы.

Сжимаю пальцы в кулак, впиваясь ногтями в ладонь. Вот она, истинная цена купеческого золота без военной силы и судебной печати.

У здания Министерства царит суэта, похожая на переполох в растревоженном улье. Чиновники младших рангов суетливо переносят свитки, их лбы блестят от пота, несмотря на мороз за окнами. Нас проводят в боковую галерею, отделенную от Императорского Кабинета лишь тяжелой шелковой ширмой с вышитыми золотом драконами. Здесь мы должны дожидаться главного евнуха. Но сквозь тонкие нити шелкового полотна мне отлично видно и слышно все, что происходит по ту сторону.

Император сидит за своим массивным столом из черного дерева. Он выглядит очень старым и бесконечно уставшим человеком, чье лицо испещрено глубокими морщинами, похожими на трещины на высохшей глине. Но его глаза остаются пугающе темными и ясными. Перед ним лежит эдикт,

подписанный Наследным Принцем, – указ о назначении Су Чжэня главнокомандующим Северными Рубежами.

Главный секретарь Тайного Совета, склонившись в глубоком поклоне, тихо произносит:

– Ваше Величество, это назначение нарушает вековой порядок. Клан Су не имеет ни опыта, ни ресурсов для содержания войск. Северный ветер не щадит тех, кто читает стихи вместо подсчета мешков с провиантом. Если варвары прорвут заставы...

Император медленно поднимает руку, и секретарь мгновенно замолкает. В кабинете воцаряется тишина, настолько плотная, что я слышу мерный стук собственного сердца.

– Мой сын верит, что миром правят красивые слова и высокие чувства, – голос Императора тих, но в нем слышится тяжелый, сухой хруст. – Он считает, что армия – это всего лишь декорация для его триумфов. Он хочет окружить себя льстецами, которые будут петь ему оду за оду.

Император берет из тушечницы кисть из волчьего волоса, обмакивает ее в густую ало-красную киноварь. Тяжелая капля, похожая на запекшуюся кровь, повисает на кончике.

– Пусть учится, – произносит Государь, и на его губах мелькает тень циничной усмешки. – Уроки, оплаченные чужой кровью, запоминаются лучше всего. Если клан Су развалит оборону, народ возненавидит не Принца, а его новых советников. А когда кочевники подойдут к стенам столицы, мой сын наконец поймет, что поэзия не останавливает стре-

лы. Тогда он сам, на коленях, приползет к генералу Чжао и будет молить его о спасении. А я... я просто подпишу этот указ.

Кисть опускается на бумагу с резким, уверенным нажимом. Тяжелая императорская печать оставляет на эдикте багровый след.

Секретарь кланяется до самого пола, его плечи поддрагивают. Он понимает, что Сын Неба только что сдал три пограничные провинции в жертву жестокому обучению своего наследника.

Я стою за ширмой, ощущая, как внутри поднимается волна холодного, кристально чистого бешенства. Император не глуп и не слеп. Он циничен до мозга костей. Он готов позволить бездарному Су Чжэню погубить тысячи солдат, лишь бы Ли Цзянь обжегся и вернулся под родительскую опеку. И в этом расчете семья Чжао воспринимается им лишь как верный пес, который будет терпеливо ждать на пороге, готовый броситься на защиту Трона по первому зову.

Я поворачиваюсь к Чэню. В его сухих глазах читается тот же самый вывод.

– Ошибка в расчетах, – тихо роняет брат. – Владыка не учел предел чужого терпения.

– Именно, – шепчу я, и губы трогает сухая улыбка. – Верный пес больше не сидит на цепи.

Из-за ширмы выходит главный евнух. Я шагаю ему навстречу и протягиваю тяжелую яшмовую печать столичного

управления, завернутую в желтый шелк. Металл весит ощутимо, тяжело давит на ладони, передавая всю полноту отдаваемой власти.

– Передайте Его Величеству, – произношу я ровно, – что генерал Чжао глубоко скорбит о невозможности служить далее. Его раны открылись, а лекари настаивают на немедленном отъезде в южные поместья, где воздух благоприятен для легких. Мы покидаем столицу.

Евнух бледнеет, его руки дрожат, когда он принимает символ военной власти:

– Но... госпожа Чжао... кто же возглавит защиту столицы? Клан Су еще не прибыл...

– О, я уверена, принцесса Су Ваньэр найдет среди своих родственников кого-нибудь, кто умеет красиво маршировать под звуки флейты, – отвечаю я, склоняя голову в безупречном, издевательски вежливом поклоне. – Желаю Империи процветания.

Мы с братом разворачиваемся и выходим на крыльцо. На улице дует пронизывающий северный ветер, срывающий со стрех последнюю наледь. Поднимаю воротник соболиной накидки, чувствуя, как морозный воздух обжигает легкие.

Сев в закрытую карету, обитую мягким бархатом, я на мгновение замираю. В голове всплывают воспоминания о пограничных заставах отца, где я бывала ребенком. Вспоминаю суровые, обветренные лица солдат, стоящих на ветру в дырявых тулупах, их простых жен, ждущих мужей с дозора.

Наш отказ от поста и перекрытие поставок – это не просто ответный ход. Это решение, которое обречет этих людей на голод и холод.

Сердце сжимается от глухой, тяжелой боли. Цены у этой игры страшные, и платят их не только виновные.

– Чэнь, – говорю я, глядя на свои сжатые пальцы. – Отправь гонца в наши зернохранилища в провинции Хэбэй. Пусть прекратят официальные отгрузки в военные лагеря для казначейства. Ссылайся на неурожай и порчу запасов.

– Принято, – брат достает из рукава костяную табличку для пометок и кисть. – Исполнение – три дня. Результат – голодный ропот в гарнизонах через две недели.

– Но сделай так, – добавляю я, поднимая взгляд на брата, – чтобы через наши тайные купеческие гильдии зерно продавалось простым солдатам напрямую, по самой низкой цене, мимо складов Су Чжэня. Мы не дадим серебра казнокрадам, но воины отца не должны умирать с голоду из-за глупости Трона.

Чэнь замирает на секунду, затем кивает со скупой уважительностью:

– Принято. Это увеличит расходы, но сохранит людей.

– Если мы проиграем эту партию, Чэнь, – тихо добавляет отец, который ждал нас в карете, натягивая на плечи старый плащ, – Император не просто заберет наши грамоты. Наши головы выставят на площади, а весь род Чжао вырежут до девятого колена – цзю цзу. Мы идем по лезвию ножа.

– Я знаю, отец, – отвечаю я, сжимая веер в руках.

– Пусть Су Чжэнь попробует усмирить войска стихами о лунном свете, когда казенные склады опустеют, – я откидываюсь на спинку сиденья и закрываю глаза. – Посмотрим, насколько глубока его поэтическая гармония, когда солдаты потребуют ответа за пустые котлы.

Карета трогается, мягко покачиваясь на ухабах мостовой. Впереди нас ждет опасный путь, где каждый шаг выверен до мига, а ошибка означает гибель всего нашего рода.

Глава IV. Ночной гость в чёрном с золотом

Ночная прохлада в беседке «Слушающая Сосна» имеет особый, хрустальный привкус. В воздухе плывет аромат старой туши, тлеющего алойного дерева и вымороженного прудовым льдом сандала. Сижу за столом из сучковатого вяза, накинув на плечи шубу из чернобурой лисы. Передними разложена доска для вэйци из хайнаньского грушевого дерева. Черные и белые камни застыли в сложной, неоконченной позиции: три дня я пытаюсь построить непреступную оборону в левом углу, но каждый вариант оставляет крошечный, едва

заметный зазор.

Мышцы шеи гудят от многочасового сидения, а предплечье, покалеченное ночным нападением, ноет под шелковым бинтом. На мгновение прикрываю глаза, тихонько растирая затекшие позвонки. В доме Чжао не принято жаловаться на усталость, но даже самый крепкий клинок тупится, если бьет по камню без передышки.

Пламя масляной лампы в бронзовом треножнике неожиданно вздрагивает, отбрасывая на бумажные ширмы длинные, рваные тени. Запах сандала мгновенно рассекается свежим, резким притоком морозного воздуха, вороненой стали и горьковатого мускуса.

Я не вздрагиваю. Пальцы лишь крепче сжимают пиалу с остывшим пуэром.

– Тайная Стража Империи, должно быть, совершенно позабыла, как пользоваться дверями, – произношу в пустоту, не оборачиваясь. – Или же князь Ли Юань полагает, что проникновение через окно придаёт весомость его словам?

Из теневой глубины у резной колонны бесшумно выступает фигура. Князь Ли Юань, глава Тайной Стражи, движется без малейшего звука, словно под его подошвами не каменные плиты, а мягкий ковер из опавших ивовых листьев. На нем черный халат из плотного шелка, по которому золотой нитью вышит узор драконьей чешуи – золото не блестит, а лишь тускло мерцает при каждом его шаге.

Он не заговаривает сразу. Бесшумно скользнув к столу,

Ли Юань протягивает длинную, бледную ладонь и берет из чаши бежевый фаянсовый камень. Сухой, четкий щелчок – и камень с легким стуком ложится на пересечение линий, изящно разрезая мою трехдневную защиту в самом уязвимом узле.

– Вы рискуете, князь, – произношу я, не отрывая взгляда от доски. – Белые камни на этом фланге в явном меньшинстве.

– Белым не нужно большинство, госпожа Чжао, – его голос звучит низко, с едва уловимой, обволакивающей хрипотой. – Им достаточно ударить в то место, где черные считают себя полностью защищенными.

– Двери охраняет ваша семейная стража, госпожа Чжао, – голос Ли Юаня звучит низко, с лёгкой хрипотцой, от которой по спине пробегает что-то похожее на озноб, только приятнее. – Я предпочёл не будить вашего батюшку. Говорят, его рана от отравленной стрелы требует полного покоя – особенно когда он спит в обнимку с бочонком вина из Шаосина.

Наконец поворачиваюсь к нему, позволяя себе лёгкую, вежливую улыбку – из тех, что не добираются до глаз.

– Отец ценит свою приватность. Присаживайтесь, князь. Пуэр остывает.

Ли Юань принимает приглашение, опускаясь на подушку напротив. На его бледных пальцах нет мозолей от меча, но проступают тонкие, едва заметные шрамы от шелковой гарроты – знак ремесла, о котором при дворе говорят лишь ше-

потом и только после третьего бокала вина. – Император не спит, Юньси, – князь отбрасывает формальные титулы, и в этом сокращении дистанции нет дерзости – лишь признание того, что наши разговоры давно вышли за рамки придворного этикета. – Сын Неба смотрит, как его наследник разрушает снабжение северных застав, и видит, как дом Чжао постепенно затягивает узел на шее Восточного Дворца. В Тайной Страже обязаны задавать вопросы. Когда именно генерал Чжао решит, что его раны исцелились, и приведет полки к воротам Запретного Города?

Сделав небольшой глоток чая, я позволяю горечи омыть небо. Вопрос предсказуем. Дворец, привыкший мыслить категориями заговоров и мечей, искренне не понимает, что настоящая сила давно сменила облик.

– Свержение трона – слишком шумное и разорительное дело, князь Ли, – тихо отвечаю я, встречая его взгляд. – Зачем проливать кровь, которая потом плохо отстирывается с парадных халатов, если можно просто перекрыть движение торговых караванов? Зачем штурмовать стены, когда можно выкупить векселя на те самые кирпичи, из которых эти стены сложены?

Ли Юань чуть прищуривает темные глаза. В их глубине пляшут отблески масляного фитиля.

– Вы не плачете, не шлете слезных петиций Императрице, хотя ваш жених прилюдно отверг вас ради дочери мелкого казнокрада, – он подается чуть вперед, и запах мороза

становится отчетливее. – Любая другая девица из знатного рода уже писала бы стихи о предательстве или ушла в монастырь. А вы сидите здесь и перекраиваете карту снабжения Империи.

– Слезам свойственно испаряться, а неоплаченные долги остаются, – беру из чаши черный камень и ставлю его подле белого, заставляя Ли Юаня защищаться. – Мы не готовим мятеж. Мы лишь позволяем Наследному Принцу и его фаворитке насладиться плодами собственной глупости. Они хотят управлять державой с помощью изящных од и высоких чувств? Что ж, пусть попробуют накормить этими одами солдат на пограничных заставах.

Ли Юань медленно ставит следующую фигуру. В его взгляде вспыхивает не просто подозрение, а глубокое, почти хищное уважение.

– На севере Су Чжэнь уже умудрился продать часть казенных лошадей, чтобы расплатиться за проигрыш в кости, – тихо произносит князь, и его пальцы замирают над доской. – К весне кочевники узнать успеют об этом. Когда они прорвут укрепления, Император будет вынужден принести клан Су в жертву, чтобы успокоить народ. А ваш отец чудесным образом исцелится и вернется в седло. Это и есть ваш замысел?

– Моя семья лишь заботится об авторитете Короны, – опуская ресницы, отзываюсь я. – Если варвары подойдут к границе, мы продадим казне зерно и железо. По справедливой цене, разумеется. С небольшой наценкой за срочность и

риски военного времени.

Уголок губ Ли Юаня дрогает в подобии усмешки.

– Вы безжалостны, Чжао Юньси. Вы опаснее любого мятежника. Мятежник хочет усесться на трон, а вы, кажется, намерены сдать этот трон в аренду самому Императору.

– Трон – это жесткий стул с неудобной спинкой и кучей обязанностей, – парирую я. – Мне не нужна корона, князь. Мне нужно, чтобы тот, кто ее носит, вовремя платил по счетам.

Ли Юань молчит несколько мгновений, изучая меня так пристально, словно пытается разглядеть что-то, спрятанное за привычной маской спокойствия. Затем медленно поднимается – чёрный шёлк шуршит негромко, почти неслышно.

– Сегодня Император спросил меня, стоит ли ему бояться дома Чжао, – произносит он, глядя сверху вниз. Золотые нити на его плечах ловят последний отблеск лампы. – Я ответил, что бояться вас не нужно. Нужно бояться того дня, когда вы решите, что Империя больше не стоит ваших усилий.

– Передайте Его Величеству, что наше терпение пока ещё не исчерпано, – отвечаю, не вставая. – И, князь... В следующий раз предупреждайте о визите заранее. Я бы предложила вам вино лучше. Этот пуэр заваривался для матушки, а она предпочитает купаж покрепче.

Ли Юань склоняет голову в лёгком поклоне – насмешливым, но в насмешке этой сквозит что-то, похожее на неподдельное уважение.

– Учту, госпожа Чжао. Спокойной ночи. Пусть ваши карты всегда сходятся.

Делает шаг назад – и тень поглощает его. Лишь лёгкое колыхание бумажной ширмы и усилившийся запах мороза говорят о том, что я снова одна.

Сажу неподвижно, слушая, как ветер за окном треплет ветви сосны. Сердце бьётся ровно. Протягиваю руку и убираю лист рисовой бумаги, снова открывая карту северных провинций. Беру кисть, обмакиваю в чёрную тушь и жирной линией перечёркиваю дорожный узел, который ещё на прошлой неделе принадлежал клану Су.

Мятеж? Какая пошлость. Настоящая власть не нуждается в штурме дворцовых стен и запахе крови на брусчатке. Настоящая власть – это когда правитель сам, своей рукой, подписывает указ, которым отдаёт тебе ключи от нужных дверей, и при этом совершенно искренне полагает, что это была его собственная мысль.

Улыбаюсь своему отражению в тёмном стекле окна. Завтра предстоит осмотреть три шелковые мануфактуры и выглядеть при этом безупречно озабоченной судьбами отечества. Значит, нужно выспаться. Потушив лампу, сворачиваю карту и убираю её в кожаный футляр. На доске для вэйци у стены стоят брошенные с вечера камни – незаконченная партия, которую я разыгрываю сама с собой уже третий день. Чёрные пока выигрывают. Но сегодня ночью расклад изменился.

Глава V. Первый провал «Белого Лотоса»

Утренний свет, проникая сквозь решётчатые окна беседки «Слушающая Сосна», окрашивает рисовую бумагу в оттенки разбавленного янтаря, превращая каждый иероглиф торговой сводки в маленький, но предельно точный приговор чьей-то карьере. Сижу за столом, укутавшись в накидку из лисьего меха, и неспешно тяну пуэр, заваренный на талой воде с горных ключей провинции Юньнань, – тот самый настой, что стоит дороже месячного жалованья столичного цензора и обладает терпкостью, способной разогнать туман

после ночи, проведённой над картами северных трактов.

Передо мной веером разложены три свежих донесения, доставленных на рассвете гонцами, чьи лошади ещё парили от стремительной скачки через промёрзшие поля. Бумага хрустит под пальцами, источая слабый запах дорожной пыли и конского пота – аромат, который в доме Чжао ценится куда выше тонких духов из лепестков орхидеи, ибо означает одно: сведения пришли вовремя.

Разворачиваю первый свиток, и уголки губ непроизвольно приподнимаются в той холодной, удовлетворённой улыбке, которую придворные дамы за глаза именуют «оскалом торговли», не понимая, что это просто выражение человека, чьи расчёты сошлись.

«Северные рубежи. Застава Железных Ворот. Двенадцатый день третьей луны.

Главкомандующий Су Чжэнь, вступив в должность восемь дней назад, устроил приветственный пир для офицерского состава гарнизона, истратив на вино и деликатесы сумму, равную трёхмесячному запасу провианта для двух тысяч солдат. В качестве увеселения была приглашена труппа столичных актёров, чей проезд через военную зону потребовал эскорта из пятидесяти всадников, снятых с патрулирования восточного фланга. Варвары, наблюдавшие за происходящим со своих укреплений за рекой, устроили ночной набег на оставленный участок и угнали сто двадцать голов скота, предназначенного для армейских нужд.

Когда заместитель командующего, ветеран трёх пограничных кампаний, осмелился доложить о происшествии, Су Чжэнь счёл критику оскорблением своей утончённой натуры и перевёл офицера на должность смотрителя конюшен. Солдаты, уже второй месяц питающиеся одной просяной кашей, начинают роптать. Настроения в гарнизоне – предгрозовые».

Откладываю свиток и позволяю языку скользнуть по зубам, словно пробуя на вкус эту кристаллизованную глупость. Сто двадцать голов скота. Заместитель, за плечами которого три успешные кампании против степных племён, – чистит навоз. А Су Чжэнь, чей максимальный воинский опыт сводится к наблюдению за парадным строем гвардейцев во время Праздника Фонарей, искренне полагает, что варваров можно усмирить пятистишием о величии осенней луны.

Матушка всегда говорила: соперники сами роют себе могилу, нужно лишь вежливо протянуть им лопату и не мешать процессу. Семья Су получила лопату, расшитую золотом и усыпанную нефритом. Теперь усердно углубляет яму, искренне полагая, что возводит фундамент для династического величия.

Второе донесение ещё лаконичнее, но ничуть не менее смачное.

«Столица. Восточный Дворец. Тринадцатый день третьей луны.

Принцесса Су Ваньэр, обнаружив, что поставки юньнаньского нефрита для отделки её личных покоев задерживают-

ся на неопределённый срок из-за «затруднений с путями сообщения» (что означало на деле: дом Чжао прекратил ссужать подрядчиков серебром), устроила истерику, разбив три фарфоровые вазы эпохи Мин – по пятисот лянов каждая. Наследный Принц Ли Цзянь, утешая возлюбленную, пообещал лично разобраться с «самоуправством торгашей» и повелел Министерству Дворцовых Дел конфисковать нефрит из частных лавок столицы силами городской стражи.

Министерство робко напомнило Его Высочеству, что подобные действия нарушают императорский эдикт о свободе торговли и грозят возмущением купеческих объединений. Принц ответил цитатой из древнего трактата: «Когда правит добродетель, народ не нуждается в законах». Министры переглянулись, но промолчали».

Звук, вырвавшийся из горла, больше напоминает фырканье, нежели смех, но сдержаться решительно невозможно. Ли Цзянь решил конфисковать нефрит. Тот самый нефрит, добыча и обработка которого в девяти случаях из десяти так или иначе замыкается на дом Чжао или на наших партнёров, связанных долговыми обязательствами крепче любых цепей. Конфискация, разумеется, коснётся мелких лавочников – тех самых, что составляют костяк столичной торговли, платят подати и обеспечивают город зерном. Наследный Принц, с романтическим пылом влюблённого героя из дешёвой пьесы, собственноручно разжигает пожар народного недовольства, даже не замечая, что факел у него в руках.

Су Ваньэр рыдает из-за нефритовых полов. Трогательная картина. Интересно, продолжит ли она рыдать, когда её брат на севере потеряет не сто двадцать голов скота, а весь форт – потому что изголодавшиеся солдаты просто откроют ворота варварам в обмен на миску горячей каши и обещание не резать их немедленно?

Третье донесение – самое краткое, но и самое красноречивое.

«Тайные источники при дворе. Четырнадцатый день третьей луны.

Император вызвал главного казначея и осведомился, почему расходы Восточного Дворца за минувший месяц превысили роспись Министерства Ритуалов в полтора раза. Казначей предоставил подробную смету, из которой следует: большая часть средств ушла на «просветительские мероприятия» и «обустройство покоев наследной принцессы». Его Величество молча изучил бумаги, затем спросил: «А где серебро на зимнее обмундирование северных гарнизонов?» Казначей ответил: «Этот пункт был сокращён по распоряжению Наследного Принца – с целью поддержки поэтических собраний, способствующих моральному подъёму войск».

Император ничего не сказал, но отдал распоряжение передать Князю Ли Юаню, главе Тайной Стражи, личное послание. Содержание неизвестно, однако после встречи с гонцом Князь был замечен направляющимся в сторону поместья Чжао».

Вот и сложилось. Визит Ли Юаня прошлой ночью был разведкой: Император отправил своего острейшего клинка проверить, готовится ли дом Чжао опрокинуть трон – или же мы просто наблюдаем, как трон сваливается сам под тяжестью тех, кто на нём восседает. Старик не идиот. Он циничный, расчётливый человек, который прекрасно видит, как его наследник методично разрушает государственный уклад, направляемый нащёптываниями алчной интриганки. Но он также понимает: прямое вмешательство подорвёт лицо будущего Сына Неба. Потому и выбирает терпение – пусть ребёнок обожжётся о горячий котёл, чтобы наконец усвоил, что огонь не отступает перед красивым слогом.

Допиваю отвар, чувствуя, как тепло смешивается в груди с холодным, почти отстранённым удовлетворением. Семья Су, опьянённая внезапным доступом к казённым возможностям, ведёт себя как крестьяне, выигравшие в кости господское поместье и решившие, что теперь законы урожая на них не распространяются. Ли Цзянь, ослеплённый «чистой любовью» своего «белого лотоса», не замечает, что его возлюбленная не строит с ним будущее, а попросту разворачивает настоящее.

Тишину двора раскалывает резкий стук копыт по мощёным дорожкам.

Поднимаю взгляд. Через главные ворота влетает запыхавшийся гонец в грязной, насквозь промокшей от пота форме курьерской службы. Его лошадь, белая от пены, едва стоит

на ногах. Значит, новость не терпела ни часа промедления.

Служанка, склонившись, протягивает четвёртый свиток. Разворачиваю бумагу, и первая строка заставляет дыхание на мгновение замереть – а затем вырвать из груди короткий, почти беззвучный смешок.

«Северные рубежи. Застава Железных Ворот. Пятнадцатый день третьей луны. Срочно.

Вчера вечером, воспользовавшись густым туманом и тем, что карульные были сняты с постов для обслуживания очередного поэтического вечера главнокомандующего, отряд варваров числом около трёхсот всадников подошёл к южным воротам форта. Вместо штурма они выставили белый флаг и потребовали переговоров.

Су Чжэнь, польщённый тем, что «дикари наконец оценили его мирную политику», лично вышел навстречу в сопровождении лишь двух телохранителей и переводчика. Варвары предложили следующий обмен: они вернут угнанный скот и обязуются не нападать на форт в течение года, если Су Чжэнь передаст им тридцать мешков зерна, двадцать рулонов шёлка – и сам покинет должность, уступив командование «тому седому воину, что чистит лошадиное дерьмо», то есть смещённому заместителю.

Су Чжэнь счёл это наглой провокацией, отказался и попытался процитировать классический трактат о достоинстве правителя. Варвары не стали слушать: развернулись, угнали ещё пятьдесят лошадей прямо с пастбища у стен форта и ис-

чезли в степи.

Вернувшись в крепость, Су Чжэнь написал гневное письмо Наследному Принцу, обвиняя «саботажников из рода Чжао» в тайном сговоре с варварами с целью опорочить его безупречное имя. Требуется расследования и казни «торгашей, предавших интересы Великой Янь ради грязной наживы»».

Закрывая глаза на мгновение, позволяя себе просто насладиться абсурдной, почти оперной гротескностью происходящего. Варвары – те самые «дикие кочевники без культуры», которых столичные аристократы рисуют на свитках в виде рогатых демонов, – проявили больше здравого смысла и стратегического чутья, чем назначенный Императором главнокомандующий. Они не стали тратить людей на штурм, а просто предложили сделку с совершенно понятными условиями: уберите этого человека, дайте нам провиант, и мы уйдём. Логика этого предложения понял бы любой торговец на рыночной площади.

Но Су Чжэнь, ослеплённый гордыней и непоколебимо убеждённый в том, что цитата трёхсотлетней давности способна остановить голодных конников, отказался. И теперь перекладывает вину за свой провал на нас.

Встаю, расправляя плечи, и иду к окну, выходящему во внутренний двор. Отец – чья «смертельная болезнь» сегодня, как ни удивительно, позволила ему провести полную утреннюю тренировку с алебардой – методично рубит воздух, отрабатывая удары с точностью хорошего мастера. Ма-

тушка сидит в тени павильона, склонившись над счётной книгой: кисть выводит столбцы цифр с той безжалостной аккуратностью, с какой каллиграф выписывает окончательный приговор. Брат Чэнь, невзирая на объявленный «перечёт архивов», разбирает стопку судебных прецедентов с лицом человека, которому давно наскучило удивляться чужой неразумности.

Семья Чжао не бунтует, не плетёт тёмных заговоров и уж точно не подкупает варваров. Мы просто делаем своё дело – считаем, записываем, готовимся. А мир вокруг рушится не потому, что мы его ломаем. Он рушится потому, что те, кто обязан его держать, слишком заняты сочинением од о весеннем цветении, чтобы заметить, что в фундаменте давно завелась гниль.

К полудню в главный зал поместья вваливается делегация из Восточного Дворца. Во главе – старший евнух Министерства Дворцовых Дел, чьё лицо покрыто испариной, несмотря на зимний холод, а руки, сжимающие свиток с императорской печатью, дрожат так, словно он несёт не бумагу, а ядовитую змею. За ним – трое младших чиновников; взгляды их мечутся по залу, избегая встречаться с чьими-либо глазами.

Матушка, восседающая на резном кресле из чёрного дерева, медленно откладывает счётную книгу и поднимает на евнуха взгляд, в котором застыла та безупречная вежливая учтивость, от которой у опытных переговорщиков начинается

дрожать голос.

– Министерство Дворцовых Дел удостоивает наш скромный дом визитом, – ровно произносит матушка. – Полагаю, речь идёт не о поздравлениях с наступающим праздником Весеннего Равноденствия?

Евнух сглатывает, разворачивает свиток и начинает читать дрожащим голосом, из которого тщательно выжата всякая интонация:

– По воле Наследного Принца Ли Цзяня, действующего от имени Его Величества Императора... дом Чжао обвиняется в государственной измене, выразившейся в тайном сговоре с варварскими племенами северных степей с целью подрыва авторитета законной власти и расшатывания обороны рубежей Великой Янь.

Тишина, повисшая в зале, такова, что слышно, как за окном ветер перебирает сухие листья бамбука. Отец, стоящий у колонны, медленно скрещивает руки на груди. Шрамированное лицо его приобретает выражение человека, которому только что сообщили, что он сам себя ранил. Брат Чэнь, сидящий в углу за свитками, даже не поднимает головы – лишь едва заметно качает ею, словно фиксируя очередное нарушение установлений. Матушка улыбается. Это та самая улыбка, которую приказчики нашего дома за глаза называют «поцелуем акулы»: прекрасная, безупречная и совершенно смертоносная.

– Государственная измена, – повторяет матушка, словно

взвешивая слово. — Какое серьёзное обвинение. Полагаю, у Его Высочества имеются доказательства? Свидетельские показания? Перехваченная переписка с варварскими вождями? Хотя бы отчёт о подозрительных торговых сделках?

Евнух бледнеет ещё сильнее, его горло судорожно работает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.